

УСЕНКО О. Г.
Тверь

КТО ТАКОЙ «САМОЗВАНЕЦ»?

Кого считать самозванцем – самозванцем вообще и монархического толка, в частности? Вопрос далеко не праздный, потому что ответ на него лишь поначалу кажется очевидным.

Например, В. И. Даль определяет «самозванца» так: перечисляет его возможные эпитеты («ложный, лживый, не истинный, не подлинный, поддельный или подменённый, притворный, вообще подложный»), различные ипостаси («лжеапостол, лжеучитель, лжехрист, лжепоп, лжемонах, лжепророк, лжецарь»), а в конце подытоживает, что это «обманщик..., с коварным замыслом принимающий звание, сан, имя и вид названных личностей»¹. Определение слишком узкое, ведь получается, что, например, человек, без малейших на то оснований выдающий себя за офицера, чиновника или же какого-либо героя, – не самозванец.

Не слишком удачное разъяснение даёт и современный толковый словарь: «Самозванец... Человек, самовольно, незаконно присвоивший себе чужое имя, звание, выдающий себя за другого. (...) Эпитет человека, присвоившего себе имя царя или кого-н. из членов царского дома в борьбе за политическую власть...»² Встаёт вопрос: как быть, если человек вместо имени конкретного правителя берёт «всего лишь» царский титул? Если он присваивает не чужое звание, а «ничейное» или «общедоступное» (например, офицера)?

Эти вопросы остаются без ответа и после обращения к словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона³.

Итак, обнаруживается, что термин «самозванец» тесно связан с понятием «самозванство». Но что это за понятие – пока не слишком ясно. Кроме того, не ясно, как именно эти слова

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. (статья «Лгать»).

² Толковый словарь русского языка. М., 1940. Т. 4. С. 34.

³ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1900. Т. XVIIIа (56). С. 208.

соотносятся между собой, а также с понятиями «самозванчество» и «самозванщина».

Анализ литературы показывает, что термин «самозванец» тесно связан с понятиями «самозванщина», «самозванство» и «самозванчество», которые хотя и не являются общепризнанными синонимами, но используются одинаково – для обозначения как индивидуальных действий какого-либо «похитителя» чужого имени и/или статуса, так и коллективных выступлений в его поддержку, а также взаимоотношений между самозванцем и окружающими.

Что же касается подходов к изучению самозванства (самозванчества), то исследователи разбиваются на две группы: с одной стороны оказываются историки, а с другой – философы и культурологи.

Последних интересует не столько социально-исторический, сколько метафизический, «общечеловеческий» аспект изучаемого феномена.

Вот что, например, пишет Ю. Буйда: «В широком смысле всякий человек, пытающийся выйти за границы царства сложившихся форм, будь то Иисус Христос, Наполеон или

Пикассо, может быть назван самозванцем или даже преступником, поскольку в стремлении к свободной самореализации он преступает грань общедозволенного»⁴.

Историки стремятся подойти к проблеме более конкретно. Однако среди них нет единства, хотя взгляды исследователей по ряду пунктов совпадают.

Так, практически все историки прилагают эпитет «самозванец» лишь к лицам, которые воспринимаются ими в качестве психически здоровых, «нормальных». Такой подход выглядит неправомерным, поскольку излишне субъективен и связан с модернизацией исторической действительности – исследователи оценивают поступки самозванцев и их сподвижников исходя из собственных представлений, не учитывая относительности и культурно-исторической обусловленности понятий «безумие» и «психическая норма»⁵. Авторы постоянно рискуют совершить ошибку ещё и потому,

⁴ Буйда Ю. Алхимия самозванства // Страна и мир. 1992. № 1. С. 152.

⁵ См., например: Юнг К.-Г. Проблема души современного человека // Это человек: Антология. М., 1995. С. 37; Менделевич В. Д. Психиатрическая пропедевтика. М., 1997. С. 253–269.

[с. 52]

что сведения источников зачастую не позволяют сделать однозначный вывод о психическом состоянии, так сказать, «кандидата в самозванцы»⁶.

В принципе, уже сам факт самозванства может вызывать сомнения в психической нормальности его инициатора. Но в таком случае возникает дилемма: либо нужно признать, что самозванцев как таковых нет, либо примириться с тем, что среди них могут быть люди с патологическими отклонениями в психике.

В исторической литературе не затихает спор, предметом которого фактически является понятие «психическая норма».

Одни авторы полагают, что самозванцем вполне можно считать человека, находящегося в состоянии аффекта или алкогольного опьянения⁷. Другие исследователи отвергают подобную «всеядность», считая, видимо, что самозванство (самозванчество) – это не «затмение разума», но осознанная деятельность, не «перерыв повседневности», а некая константа, новый *modus vivendi*⁸. Некоторые историки занимают срединную позицию: например, случаи, связанные с «пьяной болтовнёй», оставляют за рамками исследования, но всё же отмечают их как одно из проявлений самозванства (самозванчества)⁹.

Ещё один камень преткновения – вопрос о «необходимом и достаточном условии» отнесения человека к самозванцам.

Если одним исследователям для такого отнесения достаточно лишь слов – публичного заявления индивида о своих притязаниях на не принадлежащие ему имя и/или статус¹⁰, то другим авторам слов мало – нужны

⁶ См.: Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Истор. записки. 1950. Т. 31. С. 113, прим. 120; 123–124; РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2537. Л. 2 об., 6–8, 10–11 об.; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7113. Л. 1–2.

⁷ См.: Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 7.

⁸ См.: Сивков К. В. Указ. соч. С. 89.

⁹ См.: Разорёнова Н. В. Из истории самозванства в России 30-х годов XVIII в. // Вестник Моск. ун-та: Сер. истории. 1974. № 6. С. 54; Андреев И. Л. Самозванство и самозванцы на Руси // Знание – сила. 1995. № 8. С. 47.

¹⁰ См.: Сивков К. В. Указ. соч. С. 124, прим. 160; Покровский Н. Н. Обзор судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. //

ещё и целенаправленные действия со стороны подобного «объявителя», подкрепляющие и реализующие сказанное им¹¹.

При этом большинство исследователей подразумевают, что самозванство (самозванчество) – дело, которым занимаются всерьёз. Но некоторые авторы берут в зачёт и шуточные слова и действия, а также игровое поведение. В результате самозванцами оказываются, к примеру, главные персонажи «игры в царя»¹².

Кстати, понятие «монархическое (царственное, царистское) самозванство (самозванчество)» тоже нуждается в чётких дефинициях.

В историографии господствует презумпция, что любое именование себя титулом или эпитетом, которые обычно увязываются с образом верховного правителя или члена его фамилии, превращает человека в самозванца монархического толка¹³.

Однако надо учитывать, что в религиозной традиции слово «царь» – один из эпитетов Христа¹⁴. Не удивительно поэтому, что самозванные «Иисусы» или «Саваофы» часто именовали себя и «царями», однако при этом они не притязали на светскую власть¹⁵.

Стало быть, не каждый индивид, называющий себя «царём», подпадает под квалификацию «самозванец монархического толка». То же самое нужно сказать и о людях, прилагающих к себе эпитет «государь». Достаточно

¹¹ См.: Щербатов М. М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774; Соловьёв С. М. Заметки о самозванцах в России // Русский архив. 1868. Т. 2; Кубалов Б. Сибирь и самозванцы: Из истории народных волнений в XIX в. // Сибирские огни. 1924. № 3; Троицкий С. М. Самозванцы в России XVII–XVIII веков // Вопросы истории. 1969. № 3; Васецкий Н. А. Самозванцы как явление русской жизни // Наука в России. 1995. № 3.

¹² См.: Троицкий С. М. Указ. соч. С. 139; Успенский Б. А. Избр. тр. М., 1994. Т. 1. С. 82–84; Мауль В. Я. Социальная психология участников народных движений в России XVII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1996. С. 15.

¹³ См., например: Реутский Н. В. Люди божьи и скопцы. М., 1872. С. 37; Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. М., 1958. С. 325–326; Лукин П. В. Указ. соч. С. 13–16.

¹⁴ Успенский Б. А. Указ. соч. С. 76–77, 117–118.

¹⁵ См.: Тихонравов Н. Квириин Кульман // Русский вестник. 1867. № 12; Реутский Н. В. Указ. соч. С. 12–22; Дмитриев А. Д. Инквизиция в России. М., 1937. С. 112–113.

вспомнить, что это слово имело и другие значения, помимо указания на верховного владетеля¹⁶.

О сложностях, которые поджидают исследователя, изучающего проблему монархического самозванчества, можно судить и на таком примере. В 1780 г. некий подпоручик Д. Кудрявов, сидя в тюрьме, заявил, что он «произошёл от царской крови», ибо «матери его пращур при царе Иване Васильевиче выехал из Сибири царевичем, которого звали Кучумом»¹⁷.

На какой статус он притязал? С одной стороны, вроде бы на самый высший, но с другой стороны, Кудрявова от его мифического предка отделяли 200 лет, к тому же «пращур»

потерял свои владения. А какой же монарх без царства или королевства, к тому же обретший сюзерена?

Кстати, можно задуматься ещё и вот над чем: а было ли тут вообще самозванство? Можно ли рассматривать как самозванца того, кто начал «разглашать» о себе, находясь под арестом или за решёткой?

Ответить на этот и поставленные ранее вопросы помогает комплексный подход к проблеме. Методологическую базу моего исследования составляют принцип историзма, системный подход, историко-психологический подход и метод, получивший название «диалог культур».

Изучение прошлого с точки зрения исторической психологии подразумевает использование таких понятий, как «психическая норма», «девиация» (в принципе допустимое отклонение от нормы) и «психопатология». При этом необходимо учитывать относительность этих понятий, поскольку их содержание варьируется от эпохи к эпохе, от одной культуры или общности к другой, даже от индивида к индивиду.

На наш, современный, взгляд, галлюцинации – несомненный признак душевной болезни, но люди средневековья, очевидно, были другого мнения, иначе бы не были столь популярными жанры литературных «видений» и фольклорных «быличек» (рассказов о встречах со сверхъестественными существами), а самое главное – авторы этих историй вместо внимания со стороны окружающих встречали бы насмешки или порицание.

Для российского массового сознания XVII–XX вв. можно считать характерной установку на отнесение (строго говоря, неправомерное) индивидуальной ненормальности к проявлениям «безумия».

¹⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 109.

¹⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2046, ч. 3. Л. 386; Ед. хр. 2551. Л. 2.

О том, как эта установка проявлялась на бытовом уровне в середине XIX в., можно увидеть на таком примере. Историк Н. И. Костомаров, покинув родовое имение молодым, потом неоднократно «приезжал на родину, записывал народные песни, общался с крестьянской молодёжью, но это непривычное для крестьян поведение со стороны помещика казалось им странным, слишком "панибратским". Они думали, что Николай Иванович "немного дурненький (юродивый) був", как сами признавались впоследствии...»¹⁸

Говоря о сознании власть имущих, вспомним о советской практике использования психолечебниц для борьбы с инакомыслящими, а также о судьбе Г. Чаадаева. Впрочем, подобная практика имела место ещё ранее – в XVIII в.; уже тогда власти иной раз предпочитали считать государственного преступника сумасшедшим вместо того, чтобы воспринимать его всерьёз¹⁹.

В ситуации научного поиска истины осознание того, что грань между «психической нормой» и «патологией» всегда размыта, что наши (современные) взгляды и взгляды людей прошлого на этот счёт не совпадают, подталкивает к тому, чтобы не считать одним из признаков самозванца его «нормальность», чтобы не проводить селекцию «кандидатов в самозванцы» с точки зрения их психического состояния.

Иначе говоря, нужно допустить принципиальную возможность того, что среди самозванцев окажутся люди, которые могут восприниматься в качестве психически больных.

Но как же быть с действиями и заявлениями определённого рода, сделанными в состоянии аффекта или опьянения? Можно ли считать их разновидностью самозванства? И если да, то в каких случаях?

Ответы на эти вопросы могут быть получены в процессе «диалога культур». Одним из принципов, на которых базируется данный метод, является отказ исследователя от поучений в отношении контрагента, от оценок типа «плохое/хорошее», «неправильное/правильное», «отсталое/развитое», «ложное/правдивое» и т. п. Исследователь вместо того, чтобы вкладывать в

¹⁸ Десятилетие смерти Н. И. Костомарова // Северный вестник. 1895. № 6. С. 107.

¹⁹ См.: Кубалов Б. Указ. соч. С. 164, 170; Сивков К. В. Указ. соч. С. 96–97.

[с. 56]

понятия свой смысл и смотреть на всё с позиции сегодняшнего дня, должен пытаться взглянуть на мир глазами своего «собеседника»²⁰.

Применительно к проблеме самозванства это означает, что мы должны довериться своим «собеседникам» (изучаемым персонажам, их сподвижникам, противникам и сторонним наблюдателям), а потому взять за основу их критерии для определения и применения понятия «самозванец». В самом деле, разве значение слова лучше знает не тот, кто его придумал и стал употреблять?

В России XVII–XIX вв. официальное законодательство отделяло от «самозванства» деяния, которые квалифицировались как «непригожие (непристойные) речи»²¹. В их число входили, в частности, те самые пьяные откровения, хвастливые заявления, тирады в состоянии аффекта, которые забывались вскоре после их произнесения и не подкреплялись никакими действиями со стороны «разгласителя» для утверждения себя в той социальной роли, которую он вроде бы только что принял. Характерно, что наказание за подобные правонарушения было не слишком суровым – до середины XIX в., например, осуждённого били кнутом, плетью или батогами²².

Наоборот, если человек был повинен в «самозванстве», его ждала гораздо более суровая кара²³.

²⁰ См.: Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991. С. 119–122, 133–134; Ингерфлом К. С. Самозванство и коллективные представления о власти в русской истории (XVII–XX вв.) // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма. М., 1991. С. 99.

²¹ См.: Симченко Ю. Б. Анализ политических и государственных процессов 1630–1640-х годов по книге Н. Новомбергского // Русские: историко-этнографические очерки. М., 1997. С. 48; Лукин П. В. Указ. соч. С. 6, 11–15.

²² См., например: Симченко Ю. Б. Указ. соч. С. 46; Новомбергский Н. Слово и дело государевы (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). М., 1911. Т. 1. №№ 32, 52, 65, 68, 135, 170, 174, 273, 315; РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2027, 2270, 2308, 2608, 2721, 3030, 3507, 3195, 3575; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7198, 7466.

²³ См.: Ливанов Ф. В. Раскольники и острожники. СПб., 1868. Т. 1; Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектанством (К вопросу о веротерпении). М., 1905; Колчин М. Ссылные и заточённые в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. М., 1908; Соловьёв С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1990. Кн. 5. С. 587; М., 1991. Кн. 6. С. 455; М., 1991. Кн. 7. С. 129; М., 1993. Кн. 10. С. 646; Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957. С. 179; Чистов К. В. Указ. соч. С. 119, 124, 128–129; Сивков К. В. Указ. соч. С. 98–132;

[с. 57]

Теперь пришла пора вспомнить о ещё одном правиле «диалога культур» – о заповеди «Доверяй, но проверяй». Историк должен критически воспринимать те утверждения своих «собеседников», которые несут на себе отпечаток идеологических и социально-политических конфликтов.

В России XVII–XIX вв. самозванец воспринимался как обманщик, «ложный» носитель какого-либо статуса. Однако понятие «ложный» часто обозначалось и словом «неправильный», хотя это, строго говоря, не одно и то же. В результате любой человек мог быть заклеимён как «самозванец», если со стороны казалось, что он занял своё место не по правилам.

Взять, например, конфликт между «староверами» и «никонианами». И те и другие были уверены, что владеют истиной, а их противники заблуждаются. Когда старообрядцы поповского толка создали свою церковную иерархию, официальная церковь объявила её «ложной», а подчинённые старообрядческим архиереям округа – «лжекафедрями». Не удивительно поэтому, что лояльные, с религиозной точки зрения, граждане обнаруживали у поповцев «самозванную иерархию» (подчёркнуто мной – *О. У.*). На самом же деле старообрядческих архиереев нельзя упрекнуть в том, что они получали свой сан с нарушением канонических правил. Другое дело, что рукоположение их не было санкционировано официальной церковью²⁴.

Рассмотрим теперь трактовку понятия «самозванство» в российском законодательстве конца XIX в. Суть его усматривалась в «присвоении прав состояния, чина, титула, знака отличия, чужой фамилии, герба» и т. п. Причём подразумевалось, что «для наказуемости недостаточно, если лицо в единичном случае назовётся не своим именем и т. п., а необходимо, чтобы оно постоянно... так именовалось, или, по крайней мере, ясно выразило бы на то намерение»²⁵.

Троицкий С. М. Указ. соч. С. 137, 140–145; Покровский Н. Н. Самозванный сын Петра I // Вопросы истории. 1983. № 4. С. 188; Кубалов Б. Указ. соч. С. 175–176; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1898. Т. XXV (49). С. 250.

²⁴ См.: Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века. М., 1904. С. 169, 177, 211–212.

²⁵ См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1898. Т. XXV (49). С. 250; Колокольцов В. Б. Законодательство Российской империи о самозванстве // Законодательство Российской Империи о дворянстве и современное российское дворянство: Материалы к Первому науч. семинару. СПб., 1996. С. 10–12.

[с. 58]

Конечно, такой подход не выглядит совершенным. Но всё же тут есть на что опереться. Надо лишь сформулировать умолчания, посылки и презумпции, на которых он базируется, привести их в систему, проанализировать и сопоставить с данными источников.

Итак, получается, что самозванец – это индивид, который, сделав соответствующие заявления, от них уже не отказывается, подтверждает их – либо словами, либо также и делами, при этом его поведение направлено на закрепление за собой нового статуса, не принадлежащего ему по праву. И всё это происходит в реальной жизни, а не в игровой обстановке. Не принимаются в расчёт и шуточные заявления.

Далее, подразумевается, что к самозванцам относятся только лица, обладающие хотя бы ограниченной дееспособностью. Это лица, которые до появления в новом качестве не были официально признаны невменяемыми, а также лица, достигшие совершеннолетия, формальным критерием которого можно считать наступление хотя бы частичной уголовной ответственности.

Теперь ответим на вопрос, можно ли отнести к самозванцам человека, делавшего свои заявления в пьяном виде или в состоянии аффекта. Если индивид, вернувшись в нормальное состояние, помнит о своих «разглашениях», повторяет их, а уж тем более, если стремится реализовать их на практике, то он – самозванец.

Человека, явно относящегося к числу душевнобольных, тоже следует называть самозванцем лишь в том случае, если он последователен в своей самооценке, если одержим одной и той же «сверхценной идеей», ставшей сутью всей его жизни. В противном случае надо вести речь о «псевдосамозванстве».

К разряду «псевдосамозванцев» надо, очевидно, относить и человека низкого происхождения, которого с детства воспитывали как царевича, который верил в своё высокое происхождение, и, повзрослев, не отказался от привычной самооценки. Одним из таких был, например, «московский царевич» Ян-Фаустин Луба, живший в Польше в первой половине XVII в.²⁶

Нельзя, разумеется, считать самозванцем и человека, которого стали воспринимать в новом качестве после того, как он умер. Это не голое умозрение, такие случаи действительно бывали.

Примером служит посмертная судьба скопческой «богородицы» Акулины Ивановны, которую К. В. Чистов и Б. А. Успенский ошибочно

²⁶ См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1896. Т. 35 (XVIII). С. 53; Станкевич А. Игумен Афанасий Филиппович и шляхтич Ян Луба. СПб., 1885. С. 16–48; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 1.

посчитали самозванкой не только религиозного, но и монархического толка²⁷. Да, среди скопцов она почиталась и как «императрица Елизавета Петровна», однако императорский сан был ей приписан лишь тогда, когда её мифический «сын» – К. Селиванов начал выдавать себя за императора Петра III, т. е. не ранее 1780 г. А к этому времени, по мнению наиболее авторитетных историков скопчества, она умерла²⁸.

Напротив, нельзя не отнести к самозванцам субъекта, который попал в ситуацию, сходную с той, в какой оказался Хлестаков, и точно так же, как и герой пьесы, использовал её с выгодой для себя, подыгрывая ошибавшимся на его счёт окружающим.

Собственно говоря, подобные хитрецы и так почитаются в качестве самозванцев. Так, А. Асланбеков стал «Пётром III» после того, как его осенью 1763 г. признали таковым однодворцы Обоянского уезда, причём сделали они это по собственному разумению. Сам же Асланбеков о себе как «императоре» не говорил, и лишь спустя 4 месяца, будучи под арестом и прося помощи у сподвижников, так сказать, признался, назвав себя «земным богом»²⁹.

Если же человек, воспринимаемый в качестве носителя не свойственных ему полномочий, звания, титула и т. п., не потакает окружающим, не подыгрывает им, не вживается в новую для него роль, а ведёт себя так, как и ранее – до изменения общественного мнения о нём, то его нельзя считать самозванцем.

Итак, на основе системного подхода можно выделить 5 признаков, раскрывающих в совокупности смысл термина «самозванец».

Во-первых, самозванец – это дееспособный индивид, который знающим его людям открыто (словесно или письменно) заявлял сам, или давал понять намёками, или убеждал их чужими устами, что он не тот, за кого его принимают, и выдавал себя за носителя иного, нежели в действительности,

²⁷ Чистов К. В. Указ. соч. С. 182; Успенский Б. А. Указ. соч. С. 77, 82, 95, прим. 10.

²⁸ См.: Кельсиев В. И. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1861. Вып. 3. С. 63, 80–81, 106–107; Ливанов Ф. В. Указ. соч.. СПб., 1870. Т. 2. С. 406–409; Мельников П. И. Материалы для истории хлыстовской и скопческой ересей... Б. м., б. г. Отд. 2. С. 10–11.

²⁹ См.: Сивков К. В. Указ. соч. С. 97–99; РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7086. Л. 2, 6–7, 9 об., 11 об., 142, 144–145, 158–159, 203 об. – 204 об., 206–207, 326 об., 379 об., 382 об., 394–394 об., 402–404, 478–478 об., 482.

[с. 60]

имени и/или статуса; который от людей, не знакомых с ним, скрывал своё истинное прошлое или искажал его, играя перед ними роль, взятую по собственной инициативе или вследствие ошибочного, но выгодного для него отношения со стороны окружающих.

Во-вторых, самозванец – это индивид, который не отрекался от принятой однажды социальной роли (пусть даже эта роль была принята им в состоянии опьянения, аффекта или душевного расстройства), который подкреплял соответствующие данной роли заявления (неважно – свои или чужие) конкретными действиями, выстраивал своё дальнейшее поведение так, чтобы оправдывать ожидания окружающих.

В-третьих, это индивид, который не сумел доказать обоснованность своих притязаний или же, убедив на время какую-то часть людей, в конце концов был разоблачён как обманщик (неважно – при его жизни или после смерти).

В-четвёртых, чтобы слыть самозванцем, человек обязан воспринимать себя в новом качестве и/или так восприниматься другими не «в шутку», а «всерьёз», не в игровой ситуации, а в обычной, повседневной жизни.

Наконец, человек может считаться самозванцем, если он претендует на статус, входящий в число привычных для данного общества или хотя бы в число известных и принципиально возможных, с точки зрения представителей данного социума. Иначе говоря, самозванцем является только тот, кто хотя бы мысленно стремится вписаться в наличную социальную структуру, найти себе место в данном обществе.

Притязание на неведомый для окружающих или экзотический статус в лучшем случае может восприниматься не только как чудачество, но и как сумасшествие. Иногда оно и впрямь оказывается доказательством психического расстройства, как это было, например, в случае с отставным капитаном И. В. Рагозиным, который в 1776 г. именовал себя не только «государем», канцлером, генерал-аншефом и другими званиями, но также «командиром над всеми»³⁰.

Даже «тюремный сиделец», каторжник или ссыльный может стать самозванцем, если он, «объявляя» о себе, запугивает и/или соблазняет возможными наградами окружающих (караульных, следователей или других заключённых), если его слова и действия направлены на то, чтобы подчинить их себе и обрести свободу.

³⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2441. Л. 12; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7428. Л. 34 об.

[с. 61]

Теперь надо сформулировать критерии для определения самозванца **монархического** толка.

По моему разумению, **монарх** – это, во-первых, лицо знатного происхождения, во-вторых, харизматическая личность, а в-третьих, правитель (ныне действующий или бывший) отдельного государства – самостоятельного или даже попавшего во внешнеполитическую зависимость, но хотя бы частично сохранившего свой суверенитет.

Титул не является главным критерием, поскольку он мог быть различным (в европейской традиции – император, король, царь, великий князь, герцог, великий магистр, в азиатской традиции – шах, султан, хан и т. д.).

Бывший правитель, передавший власть преемнику, не перестаёт быть монархом. Сохраняет свой высочайший статус и владетель, потерявший в ходе войны свою «отчину» или находящийся в изгнании, – но только в том случае, если не поступит на службу к другому правителю или если его бывшее владение не потеряет статуса автономного государственного образования.

В состав **монаршей фамилии**, помимо официального правителя, включаются, во-первых, его «кровные» родственники – родители, братья и сёстры, сыновья и дочери, племянники и племянницы, внуки и т. д. (причём не важно – «законные» они или нет), а во-вторых, «приобретённые» родственники – лица, вступившие в брак с монархом и его прямыми потомками или пока ещё носящие звание жениха (невесты), а также ближайшие родственники этих лиц.

Соответственно критериями зачисления индивида в категорию самозванцев монархического толка оказываются такие:

1) его публичное притязание на статус представителя монаршей фамилии, причём не важно, носит ли он имя реального исторического лица или просто называется «царём», «царским братом», «женихом императрицы» и т. п.,

2) его стремление получить соответствующие новому статусу властные полномочия: либо инкорпорироваться в высшие эшелоны официальной власти, либо создать свою собственную, автономную сферу властвования (добиться того, чтобы люди беспрекословно выполняли все его повеления).

Напоследок надо уточнить и соотнести друг с другом понятия «самозванство», «самозванчество» и «самозванщина». Это возможно на основе историко-психологического подхода и принципа системности. Ключевым является разграничение терминов, обозначающих индивидуальные психические феномены, и терминов, относящихся к сфере социальной психологии.

[с. 62]

Понятие «самозванчество» можно представить как динамическое образование в поле пересечения двух феноменов – «самозванства» и «самозванщины».

Под «самозванством» разумеются, во-первых, мысли, чувства и действия конкретного человека, решившего выдавать себя за носителя другого, нового имени и/или статуса, во-вторых, факторы, влиявшие на его поведение и самооценку, а в-третьих, особенности его самовосприятия.

Самозванство начинается тогда, когда у человека появляется идея о смене привычного статуса, а кончается в момент его публичного саморазоблачения – признания, что действительным (настоящим) статусом является его прежнее место в обществе. Разумеется, новая самооценка и сопутствующие психические феномены могут быть замечены со стороны (а значит, и зафиксированы в источниках) лишь тогда, когда они получают выражение в словах и/или действиях индивида, когда о его притязаниях узнают другие люди.

После такого открытия «латентное» самозванство уступает место «явному», вследствие чего между самозванцем и окружающими устанавливаются новые отношения, а значит рождается самозванчество.

В этот момент может зародиться и «самозванщина», если индивиду, выступающему в новом качестве, удастся привлечь на свою сторону хотя бы одного человека. Соответственно этот феномен прекращает своё существование в тот момент, когда от самозванца отворачивается последний сподвижник.

Итак, в полном виде самозванчество являет собой диалектическое единство двух указанных выше феноменов. Но если самозванец получает отказ в поддержке со стороны окружающих, то сфера самозванчества резко сокращается.

Понятийная диалектика проявляется также в том, что не может быть самозванщины без самозванства, однако самозванство без самозванщины вполне возможно.

Пример «чистого» самозванства явил уже упоминавшийся Илья Рагозин. Он был препровождён в Тайную экспедицию за то, что пришёл «пред сенаторскую камору» в нелепом наряде и, когда его спросили, «что он за человек, то отвечал, что он не человек». После ареста выяснилось, что он считал себя обладателем целого букета званий и титулов, но его сочли сумасшедшим, и сторонников у него не появилось.

Принятие предложенных дефиниций научным сообществом может улучшить взаимопонимание между исследователями, изучающими самозванчество, обеспечить более глубокое и всестороннее постижение этого феномена.

[с. 63]
